

СМЕРТЬ БАБУШКИ НИНЫ

Вечно я делаю совсем не то дело, которое следовало бы делать по здравому разумению.

Вот и сейчас, когда никак не получаются тексты статей о планировании военных систем (а проблема эта буквально «жжёт» меня как только я подумаю о своих нынешних младших товарищах в армии и на флоте или услышу что-то о так называемой «военной реформе»), казалось бы совсем обычные и предсказуемые события текущей жизни властно «отрывают» все мысли и чувства от суетной повседневности и «забрасывают» далеко-далеко от домашней каюты с так любимым мною компьютером.

Давным-давно, лет этак тридцать тому назад, в ещё не запущенном и переживающем период всеобщего внимания Академгородке встретились три пожилые женщины: моя мама — Александра Фёдоровна, мама моего приятеля — Евгения Григорьевна Яковлева и мама приятельницы жены — Нина Ивановна

Соколова. Всем им было за пятьдесят, и на фоне большинства молодых обитателей Городка и их малолетнего потомства героини мои казались старушками. Однако, как я это теперь понимаю, сами они были ещё полны сил и не теряли интереса ко многим явлениям жизни вне пределов кухонного и, вообще, — домашнего пространства. Надо заметить, что моя мама к этому времени прожила в Сибири всего несколько лет, Евгения Григорьевна приезжала к сыну из Сталинграда, а Нина Ивановна по таким же мотивам навещалась из Ленинграда. Понятно, что для всех них необычная природа и сама обстановка жизни в Академгородке представляли дополнительный интерес по сравнению с другими известными жизненными обстоятельствами.

В то же время, пожалуй, трудно представить себе других столь непохожих и по внешнему виду, и по всем привычкам прежней жизни людей, как эти три женщины.

Взять хотя бы, к примеру, рост долговязой и похожей на актрису Татьяну Ивановну Пельтцер моей мамани и маленькой с «пронзительными» голубыми глазами Нины Ивановны. Наверное, мне не стоит дальше развивать эту тему: каждый человек являет собой бесконечность, а уж три (да ещё женщины) — и подавно.

Не могу достоверно вспомнить, как это произошло, но бабушки наши нашли друг друга на ниве общей страсти — сибирского леса и появляющихся в нём на короткое время в невероятном изобилии грибов. Как только наступали благодатные периоды короткого нашего лета, они вооружались лукошками, вёдрами и пластмассовыми пакетами и отправлялись за околицу академического поселения: жителей в нём ещё было немного и собирать «дары природы» можно было буквально под боком собственного дома.

Если кто-то четвёртый лишний попадал в эту компанию, он рисковал помереть со

смеха. Дело в том, что приятельницы постоянно переругивались между собой на тему свойств разновидностей грибов и выбора целесообразного маршрута при их поиске. При этом у моей мамани был богатый опыт грибной охоты в подмосковных лесах и властный характер бывшей учительницы начальной школы. По моим наблюдениям, многие люди этой профессии искренне считают всё остальное человечество детьми, которые нуждаются в их наставлениях. Евгения Григорьевна, прожившая большую часть своего века в степной местности, черпала сведения о вкусных организмах из книг и безоговорочно верила всему прочитанному. А Нина Ивановна вообще избегала лишних речей и просто шла туда, где было больше белых красавцев...

Я подозреваю, что эти великолепные лесные экскурсии были любимым и памятным временем жизни наших матерей, и это подтверждается уже тем, что две из них почти

каждый год садились в поезд для совершения неблизкого путешествия в Сибирь.

Шло время, неумолимо приближая каждого из нас к естественному концу. Первой из жизни ушла бабушка Женя: на широченной сталинградской улице её насмерть сбил своим автомобилем лихач. Через месяц умерла моя маманя, промучившись перед этим два года от рака лёгких.

А Нина Ивановна пережила своих подруг на долгих четырнадцать лет. Она переселилась в Городок к своей дочери – Алевтине Сергеевне, очень любила возиться на крохотном садовом участке, выращивая там запас овощей на длинную сибирскую зиму, вела всё домашнее хозяйство и даже успевала посещать церковь, которую, несмотря на сопротивление руководства, построили у нас в лесочке на окраине Городка. Не то что ходить в лес, но и просто добираться до неблизкого садового участка и той же церкви становилось ей с каждым годом всё тяжелее. Жизнь сгибала и сгибала старую женщину,

вдобавок обильно пугая её непривычными тысячами и миллионами на ценниках и всеми другими атрибутами нашей вечно перестраиваемой действительности. И только ясные голубые глаза всё так же прямо смотрели на окружающий Божий мир.

Примерно три года тому назад у Алевтины Сергеевны обнаружили рак, её оперировали, и началась тягостная череда обращений в разные больницы Новосибирска и Томска: мужественная женщина с такими же, как у матери, синими «лучистыми» глазами давала всем нам урок достойного поведения в предельных жизненных обстоятельствах. А старенькая мама продолжала ухаживать за своим попавшим в беду тоже старым ребёнком и даже поругивала дочь за несоблюдение того же поста. Поверхностному наблюдателю могло показаться, что конца этой жизненной трагедии в малюсенькой «хрущёвской» квартире и не будет вовсе. Но у неумолимой Природы свои непреложные законы: жизненные силы обеих женщин тая-

ли на глазах, Алевтина уже не могла толком двигаться. Ухаживая за ней, Нина Ивановна ушибла руку, и уже сама теперь нуждалась в стороннем уходе. «Молодым»: сорокалетней внучке Гале и зятю Пете, нужно было зарабатывать на хлеб насущный, а дома это делать затруднительно.

Вот и в злополучный день кончины Нины Ивановны кроме неё дома никого не было: Алевтина очередной раз находилась в больнице. Придя домой, младшие члены семьи с ужасом увидели покойницу в ванне да ещё при открытом кране с горячей водой. Петя, не рассуждая, полез в воду, чтобы открыть сток, и оказался по локоть без кожи на правой руке. Квартира наших приятелей находится в одном доме с нами, и мы включились в события на фазе вызова представителей милиции и других бытовых подробностей, которые сопровождают подобные дела. Как только протоколы были подписаны, я отвёз Петю в больницу, а через часок приехал его отец из города, дело было уже в пол-

ночь. Выяснилось, что самим родственникам нужно доставлять покойницу в городскую судебно-медицинскую экспертизу: машин для этой цели у милиции не оказалось, а смерть всё-таки произошла в не совсем обычных обстоятельствах. К часу ночи до Городка добрался ещё один работоспособный мужчина – двоюродный брат Петра – Лёша – с женой. Мужики вытащили покойницу из ванны, завернули её и понесли в «Жигули» отца Пети – Алексея Романовича. Я, как мог, помогал им в этом жутковатом деле. Уж не знаю, что чувствовали мои невольные коллеги по похоронному делу, но мне было не по себе заталкивать маленький труп хорошо знакомой старушки в неудобную для этого машину. Одеяло и прочие предметы, которыми обернули то, что совсем недавно было Ниной Ивановной, никак не скрывали её телосложения, и я постоянно видел перед собой её последний взгляд вчерашнего дня, приписывая этому взгляду (знаете: так глядят подстреленные звери или

птицы) может быть и большее, чем он значил на самом деле.

А вообще, во всей этой ночной погрузке было что-то советское, недостойное нормального, человеческого отношения к людям, даже и после их ухода, как говорится, в мир иной.

Все грустные события, о которых рассказано выше, случились в ночь с пятницы на субботу, а сами похороны были назначены на понедельник. Наверное, части читателей уже надоело столь невозвышенное описание случившегося, но я не могу по-иному смотреть на мир и буду продолжать изложение увиденного в том же ключе.

Увы, и в понедельник всё те же «совковые» бытовые детали жизни никуда не пропали и продолжали проявляться в самых, казалось бы, неожиданных местах и в самое неожиданное время.

Страдающий, как и я, ишемической болезнью отец Пети Алексей Романович привёз останки Нины Ивановны в заколоченном

гробу из городского медицинского учреждения к назначенному сроку около двенадцати часов пополудни. Опять рядом не оказалось работоспособных мужчин, и гроб из легкового машины к автобусу пришлось переносить нам самим с участием однорукого Пети. Все провожающие с покойницей уместились в изношенном автобусе марки «ПАЗ», и процессия направилась в нашу заваленную снегом церковь.

После постройки этого храма я пару раз из любопытства побывал в нём, но теперь впервые в жизни попал в число участников православного отпевания покойника. Священником у нас состоит молодой человек, окончивший наш же университет, а потом круто изменивший своё жизненное призвание. Из других служителей ему неслышно помогала какая-то женщина. Руководствуясь их указаниями, закрытый гроб занесли внутрь храма, провожающие вооружились зажжёнными свечками, и началось богослужение.

Стены, пол и потолок просторного помещения церкви отделаны хорошо пригнанными светлыми досками, в нём было светло и тепло, люди не издавали никаких звуков, в общем, — всё располагало к тому настрою души, который соответствует такому случаю, как уход из жизни не имевшей (да и не могущей иметь) грехов старой русской женщины. Креститься и отбивать поклоны мне (и большинству присутствующих) не нужно было, я успевал одной частью внимания отмечать действия священника, а другой — глядеть на пламя убывающей в своих размерах свечи и думать о вечном...

С помощью компьютера и лазерных дисков я за последнее время просмотрел на экране множество ранее неведомых картин старых мастеров, где в том или ином виде запечатлена кровь Христа и других святых мучеников. Но эти изображения крови были опосредованными, они как бы существовали в другом измерении и были отделены от действительности толщей веков, условно-

стями художественного изображения, да и самим способом моего образования. То, что пришлось увидеть в реальности нашего прощального богослужения не идёт ни в какое сравнение даже с гениальными творениями прошлого.

Священник читал и распевал положенные тексты негромким голосом, и ближе к концу службы все достаточно явно слышали, как из гроба стала капать кровь, и увидели расплывающееся красное пятно на светлых досках пола. Очевидно, служители медицинского учреждения впопыхах начала недельной работы не удосужились уважительно отнестись к останкам старого человека. Но эти рациональные объяснения уже не имели никакого отношения к происходящему в церкви. Священник побелел, но продолжал делать своё дело. Ничего не могу сказать о поведении других людей (я разом потерял способность смотреть по сторонам, а голову заполнил высокий звенящий звук), но меня всего «закоротило» на зрелище падающих из

гроба капель. Самые чудовищные ассоциации (вроде «выжимания последних соков» из наших людей, за что?...почему?...кем?) беспорядочным потоком «лезли» в голову, не давая возможности хоть как-то разобраться во всей этой жути. Конечно, задним числом я понимаю, что злополучное зрелище послужило просто «спусковым крючком» для всего предшествующего: горьких размышлений о судьбе наших стариков, о невероятно длительном тяжком повседневном труде, сами размеры которого они стали замечать только тогда, когда их уже просто оставили силы.

Но все эти «умные» объяснения совсем не годятся для разбора всей гаммы чувств, которые вызывал во мне обитый дешёвенькой красной материей маленький гроб посередине чистого зала церкви...

И вроде бы ничего не случилось: священник справился с волнением и закончил отпевание, женщина-помощница подобрала с пола лишнее, гроб подхватили подоспевшие

к этому времени дееспособные мужчины, но на выходе из церкви я почувствовал, что перейдён ещё один рубеж и кусок жизни закончился, вроде того огарка свечи, который я вместе со всеми оставил в специально отведённом месте.

Потом мы выбрались в надрывно гудящем автобусе из сугробов возле церкви, и доехали до кладбища. На дороге нас ожидал посиневший от холода давний общий наш товарищ Ян Борисович Иохимович (он занимался организацией похорон на кладбище) и стал указывать дорогу, опять между сугробами, к месту последнего пристанища своей приятельницы. При жизни Ян постоянно возил на своём «Запорожце» Нину Ивановну в огород (их участки были рядом), а при соответствующем случае столь непохожие друзья бывало и опрокидывали по маленькой рюмашечке «беленького».

Без каких-то лишних разговоров гроб опустили в яму, каждый кинул по горсти земли, а дальше уж в дело включились лопа-

ты, занятые в кладбищенской сторожке. Во время всей этой процедуры опять пел заупокойную невесть откуда появившийся здесь длинноволосый человек: он подрабатывал таким образом. Мне показалось, что слова из церковно-славянского произносились правильно, но, понятно, до конца поручиться в этом я не могу...

Потом были обычные в нашей среде пристойные поминки, где каждый говорил без лишнего вранья.

Вспыхивали было и разговоры на злободневные темы, но их быстро «гасили», вспоминая о причине, которая собрала нас в тесной комнате с низким потолком. Я тоже «тяпнул» водки (делать это с моим здоровьем, наверное, не следовало), а потом долго лежал уже у себя дома в каюте без света, думая о том, что записано выше...

Алевтина Сергеевна умерла на следующей неделе, пережив свою маму всего на девять дней.

*© Владимир Вениаминович Брыскин.
Издание автора. Новосибирск. 1997
E-mail: brys@math.nsc.ru
<http://www.math.nsc.ru/LBRT/k5/brys.html>*